

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026627-5

Трудовая теория происхождения языка: Ф. Энгельс, Л. Нуаре, Н. Я. Марр

© 2023 г. А. В. Никандров

Кандидат политических наук,
старший научный сотрудник философского факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4
bobbio71@mail.ru

Резюме. Статья посвящена анализу трех концепций глоттогенеза в рамках теории трудового происхождения языка и постановке проблемы об актуальности этой теории для современной науки на основе проведенного анализа. Концепция Ф. Энгельса об определяющей роли труда в процессе антропогенеза и глоттогенеза и орудийная концепция происхождения языка Л. Нуаре были разработаны приблизительно в одно и то же время, однако если первая обрела широкую известность, то вторая такой известности не получила. В совокупности концепции Ф. Энгельса и Л. Нуаре принято считать классической трудовой теорией происхождения языка. Работы этих мыслителей существенным образом повлияли на формирование “Нового учения о языке” Н.Я. Марра, одной из важнейших сторон которого стала сложная и противоречивая концепция происхождения языка. Важнейшими составными частями данной концепции стали гипотеза об эпохе ручного языка и гипотеза об определяющей роли орудий труда в формировании звукового языка и логического, понятийного мышления. По мнению автора статьи, все три концепции, взятые вместе, в своем единстве, по объединяющему их принципу труда как источника формирования языка, представляют собой единую и целостную теорию трудового происхождения языка и человека. Эта философская теория представляет интерес и является актуальной для современного языкознания и для общественно-политической науки в целом.

Ключевые слова: Ф. Энгельс, Л. Нуаре, Н.Я. Марр, происхождение языка, труд, орудие труда, “Новое учение о языке”, ручной язык, звуковой язык.

Для цитирования: Никандров А.В. Трудовая теория происхождения языка: Ф. Энгельс, Л. Нуаре, Н.Я. Марр // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 49–64. DOI: 10.31857/S160578800026627-5

Labor Theory of the Origin of the Language: Friedrich Engels, Ludwig Noiré, Nikolai Marr

© 2023 Aleksey V. Nikandrov

Cand. Sci. (Politics),
Senior Researcher at the Faculty of Philosophy
of the Lomonosov Moscow State University,
27 building 4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119192, Russia
bobbio71@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of three conceptions of glottogenesis, which are combined into one direction, that is the theory of the labor origin of the language. The purpose of the author is to prove the relevance of this theory for modern science. The concept of Friedrich Engels on determining role of labor in the process of anthropogenesis and glottogenesis, and the tool conception of the origin of

the language of Ludwig Noiré were developed around the same time, however, if the first became widely known much later, then the second remained little known. Taken together, the conceptions of F. Engels and L. Noiré are admittedly the classical labor theory of the origin of language. The works of these thinkers had a decisive influence on the formation of Nikolai Marr's "New doctrine of language". An important part of this conception was the complex and controversial concept of the origin of the language. It was based on the hypothesis of the era of manual language and on the hypothesis of the decisive role of tools in the formation of sound language and logical thinking. According to the author of the article, all three conceptions, taken together, in their unity based on the principle of labor as the source of language formation, they are a single holistic theory of the labor origin of language and man, theory of anthropogenesis and glottogenesis. This holistic philosophical theory of F. Engels, L. Noiré and N. Marr has not lost its relevance for modern linguistics and for socio-political science and causes serious interest and to this day especially considering the fact of growing interest in Marxism in recent years.

Key words: Friedrich Engels, Ludwig Noiré, Nikolai Marr, glottogenesis, labor, tool of labor, "New doctrine of language", manual language, sound language.

For citation: Nikandrov, A.V. *Trudovaya teoriya proiskhozhdeniya yazyka: F. Engels, L. Nuare, N.Ya. Marr* [Labor Theory of the Origin of the Language: Friedrich Engels, Ludwig Noiré, Nikolai Marr]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 6, pp. 49–64. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026627-5

Актуальна ли трудовая теория глоттогенеза: постановка проблемы

Классическая трудовая теория происхождения языка базируется на гипотезе, принявшей в трудах ее представителей статус фундаментального положения, согласно которому язык возникает в процессе и на основе труда, т.е. коллективной, осмысленной и целесообразной деятельности людей, которая, представляя собой единство самого процесса, смысла и цели, является не только производством материальных вещей, но и "производством", преобразованием человека и общества, — коротко говоря, общественным производством. В особо фундированном виде идея роли труда развита в марксистском учении, в котором, как утверждает Т.Э. Рагозина, «труд как целостный "общественно-производственный организм", производящий общество <...>, является подлинным субъектом истории потому, что он же одновременно является ее основой...» [1, с. 36]. В последние годы в лингвистике и в социально-политической теории, особенно зарубежной, фиксируется некоторая тенденция возрастания интереса к трудовым теориям происхождения языка и общества, сопровождающаяся изменением отношения к самой категории "труд", что, по всей видимости, происходит на фоне ренессанса марксизма на Западе, начавшегося в 2000–2010-е годы.

Двумя главными представителями и основоположниками трудовой теории происхождения языка являются Ф. Энгельс и Л. Нуаре; в литературе нередко говорят о трудовой (социально-трудовой) теории происхождения языка Нуаре-Энгельса. К этим двум фигурам необходимо причислить Н.Я. Марра, учение которого в рамках трудовой

теории языка после лингвистической дискуссии 1950 г. практически никогда не рассматривалось. Три этих мыслителя в западной и отечественной традиции находятся как бы в тени друг друга, а между тем они ставили проблему глоттогенеза и решали ее с привлечением концепта труда как отправного пункта порождения и развития языка. Для всех троих проблема "языкового Рубикона" (Энгельс не использовал этот термин М. Мюллера) имела одно и то же решение — труд. Все они не были лингвистами: Ф. Энгельс — философ и политический мыслитель, Л. Нуаре — философ языка, Н.Я. Марр — культуролог и философ языка; а их труды по методу и содержанию были достаточно далеки от лингвистики. Однако их идеи и разработки в области происхождения языка оказали в свое время серьезное влияние на развитие многих языковедческих идей и направлений. Конечно, любая концепция, гипотеза, вообще идея о происхождении языка по определению будет не более (а чаще — и менее) чем рабочей гипотезой. Поэтому важно не выпускать из виду то, что эта проблема является философской *par excellence*, и прийти к ее решению, сколь бы то ни было убедительному, можно только с использованием философских методов, хотя бы и на основе любых эмпирических данных любой иной науки. Как справедливо сказал А.Г. Козинцев, "от философии никуда не уйти: отвергая одну, мы принимаем другую, даже когда говорим о лингвистике и семиотике" [2, с. 332].

Основной довод в пользу трудовой теории состоит в том, что труд как основа антропо- и глоттогенеза в ней представлен в единстве своих сторон, представляет собой "монокристаллический" концепт,

что позволяет релевантно поставить проблему в философском ключе. Основной довод против трудовой теории состоит, собственно, в том же, в чем состоит и сила этой теории: “монолитность” категории “труд”, во-первых, представляет собой препятствие для научной постановки и анализа проблемы; а во-вторых, может переводить научную проблему в политический, идеологический план и навязывать ей предзаданное решение. Относительно первого довода против ниже будет показано, как аналитическое разделение процесса труда на составляющие компоненты скорее заводит исследователей в тупик, чем позволяет прийти к определенным выводам, — и так теряется цель исследования. Относительно второго довода можно возразить следующее: во-первых, концепция Нуаре ярко показывает, что к выводу об определяющей роли орудийного труда в глоттогенезе можно прийти и будучи очень далеким от материализма мыслителем; во-вторых, даже и в концепции Энгельса категория “труд” отнюдь не выступает как идеологическая, а является философской; в-третьих, что касается Марра, то его установки зачастую весьма далеки от марксизма; и в-четвертых, аргумент “от идеологии” может заставить принять философскую убежденность за идеологическую ангажированность.

Те, кто выступает против применения категории труда к единству его процесса, смысла и цели, апеллируют к некоторым современным исследованиям, в которых единый процесс коллективного труда (производства) распадается на ряд составляющих палеонтологического плана, которые концептуализируются отдельно — без того, чтобы после был осуществлен обратный синтез с учетом новоприобретенных знаний. В этих исследованиях проводится реконструкция, во-первых, способности использования орудий и изготовления орудий; во-вторых, способности создания стандартных орудий и орудий для изготовления орудий (при этом орудие реконцептуализируется, отделяясь, отвязываясь от труда); и в-третьих, способности совершать коллективные и стандартизированные коллективные действия. Обособленно реконструируется способность к коммуникации и коммуникативные акты: коммуникация рассматривается вне трудовых действий, как бы сама по себе (что в наши дни удивить не может). С необходимостью такого аналитического расчленения сложно поспорить, однако единство процесса глоттогенеза теряется, так как язык легко разместить в любом из вышеперечисленных планов и связать с любой способностью по отдельности; или же доказать, что прямой связи нет и что для создания

и использования орудий язык не нужен вовсе, — что зачастую и делается.

Труд распадается на разные планы действий и на разные способности, а орудийная деятельность, напротив, вместо расчленения на использование естественных и искусственных орудий начинает совмещать в себе эти принципиально разные (хотя и тесно связанные) способности в одном комплексе. Учитывая, что по отдельности эти способности, в том числе и способность использования орудий и создания искусственных орудий, обнаруживаются у человекообразных обезьян и гоминид [3, с. 178–190], а самые простые — у животных и птиц, язык перестает связываться с созданием орудий и коллективной деятельностью, а глоттогенез сводится к исследованиям коммуникации обезьян (и — шире — к исследованиям, связанным с “символической” деятельностью животных), если не выводится из нее, переставая таким образом быть частью антропогенеза. (Способность животных — и не только животных, но и птиц и т.п. — оперировать знаками и символами, а также понятиями и числами некоторыми современными исследователями принимается как аксиома.) Вот как определяет орудие представитель когнитивной биологии У.Т. Фитч: «Категория “орудие” определяется как некий объект, который особь удерживает во время определенных целенаправленных действий либо носит с собой еще до того, как приступить к ним» [4, с. 183]. Под это определение, релевантное с точки зрения биолингвистики, но недостаточное даже и для постановки проблемы роли орудий (труда) в процессе глоттогенеза, ученый законно подводит и камни для разбивания раковин моллюсков, используемые выдрой, и камни для разбивания орехов, используемые шимпанзе [4, с. 183–184]. Отделенный от труда и от орудий язык отделяется и от человека, а проблема его происхождения отдается на откуп этологам и приматологам, биолингвистам и зоопсихологам (“*cimpanzee the toolmaker*” вместо “*man the toolmaker*”). Обратного синтеза комплекса процесса и способностей, связанных в концепте труда и аналитически разделенных в целях исследования, никто не производит, единство цели — раскрыть загадку происхождения языка — утрачивается, ключ к ней теряется.

Итак, с трудом, доведенным в аналитическом разделении его граней до пределов, происходит примерно то же, что и с языком в пассаже А.Г. Козинцева, если язык брать не в единстве сущности и явления, а разбирать “по частям”: этот путь ведет к тому, что объект исследования исчезает.

А.Г. Козинцев пишет о невозможности дать языку дефиницию *per differentiam specificam*, ибо “какой из его признаков ни возьми, он непременно отыщется у тех или иных животных. Не у высших обезьян, так у низших. Не у попугаев, так у дятлов. Не у пчел, так у муравьев. А иногда и у всех животных вместе взятых, и хорошо еще, если не у растений” [2, с. 327]. Тем не менее, труд и по сей день остается на одном из первых мест в ряду гипотез о происхождении языка: так, Н.С. Розов, обозревая гипотезы глоттогенеза и когнитивной эволюции, носящие научный характер, “начиная с Гердера и Гумбольдта” и заканчивая нынешним днем (т.е. в том числе и самые последние версии), и выделяя среди них, по его оценке, “наиболее правдоподобные”, на второе место с уважительной отсылкой к Энгельсу ставит, хотя бы и в заковыченном виде (в духе известных “трендов”), «“труд” (орудийные технологии), планирование действий и воображение будущего изделия» [5, с. 349]. Сам ученый с концептом труда не работает, но признает роль орудийной деятельности как «многоаспектного “катализатора” развития социальных порядков и коммуникативных практик» [6, с. 228], на которые делает упор в свете констатируемого им социологического и социально-антропологического поворота в современных исследованиях происхождения языка, когда, по его словам, “происходит сдвиг фокуса внимания от орудий, костных останков, генов — к социальным и культурным драйверам, образу жизни, практикам взаимодействия, теснейшей взаимосвязи языка и нормативности” [6, с. 217].

Интересно, что потеря единого ключа, труда без кавычек, не позволяет Н.С. Розову ответить на некоторые вопросы, логично им поставленные в ходе исследования. К примеру, невозможно ответить на вопросы, “как первые орудия сами по себе могли приводить к появлению речи” при том, что “они точно могли использоваться для более жестоких схваток за доминирование, за пищу, за самок”; “почему их не отбирали более сильные, почему за них не дрались”; и как, соответственно, реализовывалась вытекающая из данной ситуации “необходимость введения новых социальных норм, группового принуждения к их выполнению” [6, с. 228]. Между тем, трудовая теория способна правильно поставить эти вопросы и наметить ответы на них; более того, она способна в интересном плане подойти к проблеме природы человека и преобладания в ней “общезительности” (термин П.А. Кропоткина) над агрессивностью, тем самым обеспечивая выход на ряд базовых проблем природы человека в рамках марксистской теории (и не только ее).

Все эти обстоятельства заставляют обратиться к мыслителям, философам языка, которые признавали труд как единство процесса, смысла и цели. Работа Ф. Энгельса “Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека” (1876) представляет собой своего рода эскиз, автор которого в абрисной форме только намечает пути рассуждения на поставленную в заглавии проблему. Суть решения, учитывая его философию, ясна, — и коротко его можно выразить известной фразой “труд создал человека”. Энгельс решает проблему антропо- и глоттогенеза *исходя* из фундаментальной роли категории труда в философии марксизма и “приходит”, таким образом, к решению, основываясь исключительно на максимах марксизма, выводы же и положения Ч. Дарвина приводя, по сути дела, в качестве иллюстраций. Основные положения статьи Энгельса оказали определяющее влияние на работы в области глоттогенеза в советской и существенное влияние на подобные работы в зарубежной лингвистике и социально-политической мысли.

Среди лингвистических трудов Л. Нуаре важное значение имеют две работы: “Происхождение языка” (1877) и “Орудие труда и его значение в истории развития человечества” (1880). Они оставили разные следы в зарубежном и отечественном языкознании — и шире — в общественно-политической науке: если в зарубежной мысли интерес ученых был привлечен в большей степени ко второй работе, то в отечественной мысли имя Нуаре связывается главным образом с “теорией трудовых криков”, изложенной в первой; тогда как орудийная концепция, несмотря на свою привлекательность с точки зрения соответствия марксистским постулатам, привлекла внимание, по сути дела, одного только Н.Я. Марра (скорее всего, как раз из-за своей чрезмерной “марксистскости”, не ожидаемой от идеалиста и потому неудобной). Исключение в советское время составляет лингвист А.А. Леонтьев (сын А.Н. Леонтьева), который, развивая собственную интерпретацию трудовой гипотезы происхождения языка, вдохновлялся идеями Нуаре и опирался исключительно на его работу об орудии труда [7, с. 39–41, 45, 49, 55]. Впрочем, и в западной литературе роль Нуаре нередко сводится к сакраментальным “трудовым крикам” или же, как у Фитча, к тривиальному утверждению о том, что “язык возник как коммуникационная система” [4, с. 423]. Нуаре решает проблему лингво- и антропогенеза на основании многочисленных данных науки своего времени, не опираясь на конкретную философскую систему и вообще не используя никакие спекуляции. О Марксе или

Энгельсе немецкий философ, возможно, и знал, равно как и *vice versa*; однако ни он не ссылается на Маркса или Энгельса, ни они не упоминают его работы или даже имя. Сама концепция орудийной деятельности в современной литературе пользуется серьезным вниманием и вызывает достаточно широкие споры среди ученых — достаточно вспомнить некоторые вышеприведенные рассуждения Н.С. Розова.

Н.Я. Марр основывает свое учение на идеях марксизма; что же касается гигантского объема сведений из областей лингвистики, антропологии и культурологии, то они почти всегда привлекались им как иллюстративный материал. Впрочем, и постулаты марксизма не были для Марра непрекаемыми аксиомами: нередко даже важнейшие положения Энгельса “корректировались” им в угоду собственных спекулятивных “открытий”. Яфетическая теория, переоформленная Марром в 1930-е годы в “Новое учение о языке” и “захватившая” советское языкознание, была изложена ученым в многочисленных работах 1925–1933 гг. После сталинского *auctoritatis interpositio* и разгрома марризма в 1950 г. все идеи Марра были отброшены и изгнаны из советской науки; а положения, касающиеся проблем глоттогенеза, т.е. концепции ручного языка, языковой революции и т.д., стали восприниматься как курьезы, ни имеющие отношения к науке. Этого нельзя сказать о зарубежном языкознании, в котором идеи Марра подвергались серьезному изучению и критике. Поэтому, хотя гипотеза об изначально жестовом языке, идущая от Э. Кондильяка с его идеей “языка действий”, и стала вновь востребованной в 1970–1980-х годах вне связи с идеями Марра, его имя и его идеи в соответствующих трудах были этим актуализированы.

1970-е годы на Западе и отчасти в СССР характеризуются возрастанием интереса к проблеме происхождения языка, что вскоре приведет к резкому всплеску интенсивности исследований в области “language origins” и росту количества публикаций на рубеже 1970–1980-х годов и в дальнейшем. Это не означает полного отсутствия интереса в более ранние годы: если продолжать говорить о Марре и об идее языка жестов, то можно назвать работы Ричарда Пэджета 1930–1950-х годов, начиная с “Человеческой речи” (1930) и заканчивая “Происхождением языка преимущественно по фактам эпохи палеолита” (1956), вызвавшие серьезные дискуссии и впоследствии заинтересовавшие советских ученых, например, Б.В. Якушина, которого привлекла гипотеза Пэджета о том, что “язык возникает

из пантомимических движений рук, которым бессознательно подражает рот, а движения последнего коррелируют с горловыми звуками” [8, с. 44].

В плане жестовой гипотезы особое значение приобрели работы 1970-х годов Гордона Хьюза, — благодаря именно этому ученому гипотеза языка жестов как праязыка человека стала широко обсуждаться, причем с выходом на проблему роли орудий, но, разумеется, без привязки к труду, зато в связи с коммуникацией приматов. Отправной в этой возрожденной традиции является его знаменитая статья 1973 г. “Коммуникация приматов и происхождение языка из жестов” [9]. Г. Хьюз был хорошо знаком с работами Р. Пэджета и с его идеей “mouth gesture”, но не прошли мимо его внимания и труды Н.Я. Марра с идеей ручного языка. Позже подключились другие ученые, прежде всего антропологи, одним из которых стал Тим Ингольд, с именем которого связаны многочисленные научные конференции и исследования в области глоттогенеза в связи с ролью орудий и языка жестов. Совместно с биоантропологом Кэтлин Гибсон он был редактором важного коллективного труда по материалам представительной научной конференции 1993 г. “Орудия, язык и познание в человеческой эволюции” [10], в котором был опубликован и очерк Г. Хьюза “Отношение орудий и языка в истории мысли” [11].

В работах Г. Хьюза имя Марра встречается нередко, но и в западных языковедческих работах, особенно посвященных истокам языка, прежде всего в “жестовых исследованиях” 1970-х годов — конца XX в., оно упоминается достаточно часто. Однако нельзя сказать, чтобы для Хьюза учение Марра было критически важным элементом истории лингвистических идей: так, в упомянутом очерке 1993 г. он, возводя теорию первичности языка жестов чуть ли не к античности и даже Нуаре приписывая “симпатизирование жестовой гипотезе происхождения языка” [11, р. 26], какого Нуаре не испытывал вовсе, о Марре не пишет ничего. В других его работах имя Марра присутствует как бы на фоне, в скобках, и только для того, чтобы акцентировать собственные идеи. В СССР жестовая гипотеза — причем, как ни странно, опять-таки без выхода на концепт труда и с опорой в основном на приматологию — поддерживалась Б.В. Якушиным [8]. В собственной традиции, с опорой как на работы Марра и Л.С. Выготского, так и на работы зарубежных лингвистов, зоопсихологов и зоосемиотиков 1970-х годов (в т.ч. и Г. Хьюза), идеи изначально-сти жестового языка не только поддерживал, но

и развивал Вяч.Вс. Иванов [12, с. 19–33]. Концепция языка жестов имеет многочисленных сторонников и в XXI в.: назовем имена Майкла Томаселло и Майкла Корбаллиса [3, с. 312–316]. Небезынтересно, что М. Томаселло в своих исследованиях опирался на труды Выготского и работал в рамках концептуальной схемы, в своем существе соответствующей положениям теории деятельности А.Н. Леонтьева, но, в отличие от него, конечно, находился вне марксистской традиции [13].

Исходя из всего сказанного, можно прийти к выводу о том, что трудовая теория глоттогенеза в отечественной и зарубежной сугубо лингвистической и философско-лингвистической литературе, несмотря на свою идеологическую нагруженность (а возможно, отчасти и благодаря ей), не является “закрытой”, малоперспективной и неактуальной: в работах и исследованиях конца XX в. — наших лет отдельные тезисы и положения, некогда собранные воедино в рамках трудовой теории, ротируются и используются по отдельности; имена Нуаре и Марра, в меньшей степени Энгельса, упоминаются достаточно часто. И это справедливо, ведь хотя некоторые выводы и положения Энгельса, Нуаре и Марра очевидным образом потеряли значение для науки, отнюдь не все их идеи годятся только для помещения в учебники по истории языкознания: многие из этих идей работают для современной науки. Основная проблема состоит в том, что в совокупности, как разные версии единой трудовой теории происхождения языка, все три учения вместе, в рамках какого-либо исследования, никогда не рассматривались и в один исторический ряд не полагались. Цель настоящей работы — обосновать необходимость и провести такую постановку, актуализировав тем самым трудовую теорию глоттогенеза в ее существе.

Трудовая концепция происхождения языка Ф. Энгельса

По времени написания (но не опубликования) статья “Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека” была первой работой, в которой четко была сформулирована трудовая концепция глоттогенеза. Единственная концепция, которая в этом ключе ей формально предшествовала, была изложена в труде Монбоддо “О происхождении и прогрессе языка” (1774). Хотя Монбоддо и проводил идею о том, что коллективная деятельность стад обезьян предшествовала языку и что “использование орудий — отличительный признак человеческого общества, так как всякое

использование орудий — искусственно, а не инстинктивно” [14, с. 81], идея трудового происхождения языка у него не была, да и не могла быть выражена четко, поскольку понятие труда в те времена не обладало концептуальной значимостью. Впрочем, через два года после опубликования трактата Монбоддо вышло в свет “Богатство народов” Адама Смита, и положение начинает меняться. В этом контексте небезынтересно, что и А. Смит не был чужд интерес к проблемам происхождения языка, так что его имя высвечивается не случайно. Полагая, что развитие языка начинается “со слов, выражающих целостные *события*” [15, с. 705], в работе “О первоначальном формировании языков...” (1759) А. Смит — и эти его идеи во многом совпадут с аналогичными идеями Марра — «был едва ли не первым, кто высказал идею о “глобальном” значении первоначальных слов, каждое из которых само по себе выражало целостное событие...” [15, с. 705].

Несмотря на то, что эскиз, создававшийся с 1873-го и оконченный к 1876 г., названный “Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека”, был изначально задуман как часть более обширной работы, он представлял собой вполне самостоятельное и в рамках своего замысла цельное произведение. Если считать целью теоретическую зарисовку начального, “нулевого” этапа антропогенеза, что вполне логично исходя хотя бы из названия работы, то эта цель была автором достигнута. Статью-эскиз “Роль труда” автор планировал сделать заключительной частью будущей “Диалектики природы”. В 1896 г. “Роль труда” была опубликована Э. Бернштейном как самостоятельная работа. Полностью “Диалектика природы” впервые была опубликована в 1925 г. в СССР в подлиннике и с переводом. Статья-эскиз “Роль труда” имеет важное значение не только по причине авторитета Энгельса, но и потому, что в этой работе впервые в целостном, последовательном виде была сформулирована трудовая теория глоттогенеза в рамках антропогенеза, с ее основными принципами: коллективный труд, роль руки и роль орудий труда. Конечно, эти идеи можно полагать общими для Энгельса и Маркса. Так, Б.М. Кедров утверждает, что, по замыслу Энгельса, вся “Диалектика природы” «должна была как бы примкнуть вплотную к “Капиталу” Маркса: тем, с чего начинается “Капитал”, должна была завершиться “Диалектика природы” — рассмотрением труда как фактора общественного развития» [16, с. 23].

В своем дальнейшем творчестве Энгельс не развил идеи, изложенные в “Роли труда”, и

не создал на эту тему других работ, которые могли бы составить отдельное произведение и стать основой будущей целостной марксистской теории происхождения языка. Важнейшие вопросы теории глоттогенеза остались открытыми, в чем винить мыслителя оснований нет, ибо на самый важный в рамках марксизма вопрос, что первично, язык или труд, ответ был дан ясный: труд. Решение, надо повторить, предшествовало постановке проблемы, а статья была даже не рассуждением на заданную тему (хотя бы формально), а обоснованием ответа, известного заранее: “...Мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека” [17, с. 134].

“Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...” — говорит Энгельс [17, с. 137]. Язык у Энгельса — *differentia specifica*, атрибут человека, порождающийся из процесса труда и вместе с ним. Труд в свою очередь “начинается с изготовления орудий” [17, с. 138]. Импульсом же к возникновению возможности самого труда является “появление” руки в результате ее (точнее, того органа, который ей предшествовал) “освобождения”, когда обезьяны “начали отвыкать от помощи рук при ходьбе по земле и стали усваивать все более и более прямую походку”, чем “был сделан *решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку*” [17, с. 134]. Рука здесь служит как бы перводвигателем антропогенеза, она — в его начале: человек сотворяется руками, его рука “является не только органом труда, *она также и продукт его*” [17, с. 135]. Рука и орудие идут, таким образом, в едином комплексе, как бы предвещая появление человека. До “освобождения” руки коллективность стада обезьян не имела антропогенетического значения: многие животные, равно как и иные живые существа, коллективны; теперь же коллективность становится катализатором антропогенеза.

Как таковая проблема глоттогенеза Энгельсом не ставится: мыслитель в продолжение зарисовки об общении, сплочении членов общества и взаимной поддержке утверждает: “Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать друг другу*” [17, с. 136] (в тексте слова “потребность” нет, буквально часть фразы звучит так: “появилось что-то сказать друг другу”). Эта *предрасположенность* как бы запускает каскад динамических физиологических изменений органов становящегося человека — с тем, чтобы обеспечить возможность членораздельной речи для реализации

потребности в коммуникации. Далее труд, вместе с ним теперь и язык, и интегрально — человек и общество, усложняются, совершенствуются и развиваются. Сложно требовать от политического мыслителя зарисовки картины “палеофизиологии”, но смысл его утверждений ясен: человек и язык у Энгельса явным образом подчинены труду, и следует согласиться с А.А. Леонтьевым в том, что “применительно к первобытному коллективу можно сформулировать это так: речь — это не столько общения *во время* труда, сколько общения *для труда*” [18, с. 141].

Язык и мышление нераздельны, но мышление у Энгельса исторически и тем более аналитически предшествует труду и языку, без которых осмысленный и целесообразный орудийный труд невозможен: известно, что он, плененный дарвиновским учением, особенно работой 1871 г. “Происхождение человека и половой отбор”, признавал мышление у высших животных. По Дарвину, “не существует качественной разницы между языком человека и коммуникативными системами животных” [14, с. 96]. Так далеко Энгельс не заходил, язык для него оставался “Рубиконом” — но не мышление: “Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: *индукция, дедукция*, следовательно, также *абстрагирование... анализ* незнакомых предметов... *синтез... и*, в качестве соединения обоих, *эксперимент... По типу* все эти методы — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных” [17, с. 178]. В работах У.Т. Фитча есть термин “бессознательное мышление [животных]”, почти полностью соответствующее “мышлению животных” Энгельса.

С этой постановкой Энгельса едва ли согласился бы Маркс, особенно если принимать во внимание его размышления о различии природы человека и животных в “Экономическо-философских рукописях” 1844 г. (включая то место, где он писал о тождестве животных со своей жизнедеятельностью; и не только этот пассаж). Советских марксистов положение Энгельса о мышлении у животных приводило в смущение, и они предпочитали его не замечать. Одним из немногих, принявших тезис Энгельса без оговорок, был лингвист из Молдавии Б.П. Ардентов, который в работе 1965 г. утверждал, что “признание наличия мышления у животных является одним из основных, притом исходных положений исторического материализма: отвергнув его, невозможно объяснить ни появление человека, ни историю человечества” [19, с. 13]. К этому следует добавить,

что в литературе, в том числе и советской, встречается достаточно распространенное мнение, что мышление, в отличие от сознания, не необходимым образом предполагает языковую основу. Однако авторы, разделяющие это мнение — а среди них и А.Н. Леонтьев, и А.А. Леонтьев [18, с. 151–152], применяли утверждение о “мышлении не обязательно только в виде речи” к первобытному человеку, но не доходили до утверждения о наличии мышления у животных.

Орудийная концепция происхождения языка Л. Нуаре

Имя Людвигу Нуаре в советской и российской лингвистике ассоциируется вовсе не с его теорией о роли орудий труда в глоттогенезе, а с идеей так называемых трудовых криков (выкриков), т.е. ритмичных звуков и звуковых комплексов, сопровождавших коллективные трудовые действия и процессы. Так, О.А. Донских говорит, что “для настоящего времени характерно упрощенное понимание теории Нуаре”, а между тем она “является вершиной буржуазной мысли в разрешении проблемы глоттогенеза. Только марксистская философия позволила вскрыть ее недостатки и указать пути их преодоления, продолжив традицию трудовой теории, заложенную еще Монбоддо” [14, с. 105]. Упрощенное понимание глоттогенетических идей Нуаре в отечественной лингвистической мысли сложилось благодаря тому, что большую известность и ротацию обрела первая из двух его работ по глоттогенезу, “Происхождение языка” (1877), в которой как раз и была изложена “теория трудовых криков”; и этот факт вызывает удивление, ведь в 1925 г. была издана на русском языке его вторая работа, “Орудие труда и его значение в истории развития человечества” (1880) [20] (первая работа на русский язык не переведена до сих пор).

По всей видимости, вину за это следует возложить на А.А. Богданова, который в “Падении великого фетишизма” (1910), сосредоточившись на идеях первой книги Нуаре, фактически свел его концепцию к тезису о происхождении языка из “трудовых криков”, отождествленных с произвольными выкриками, т.е. аффектами (они и представлялись как “первичные корни” будущего языка), — при игнорировании роли орудий труда. Называя Нуаре “полуидеалистом” и отправляясь от максимы “в производстве должны мы искать начала идеологии”, “в совместной работе людей, в социально-трудовом процессе” [21, с. 18], Богданов редуцирует это производство, а вместе с ним глотто- и логогенез, к физиологическим и

психофизиологическим процессам, оказываясь на позициях вулгарного материализма, — и это при том, что его учитель Г.В. Плеханов, благодаря которому Богданов и познакомился с идеями Нуаре, выделял орудия труда в составе производительных сил в качестве определяющей силы!

Л. Нуаре исходит из того, что “как язык, так и орудие труда, инструмент, является специфически характерным для человека. В этом отношении человеческий мир и животный мир без единого исключения резко разграничены” [20, с. 138]. Однако философ не объясняет происхождение разума и языка, они появляются как бы сами собой: “Как бы ни противилась тому наша фантазия, мы все же должны принять, что между первобытной мглой, окружающей беспросветное существование многих поколений наших предков при совершенном отсутствии языка и разума, и начавшимся впоследствии человеческим развитием лежала полоса едва освещенных редкими проблесками сумерек, в которых человек уже владел языком и разумом, но не владел еще орудиями труда” [20, с. 57]. Для идеалиста допущение “проторазума”, своего рода исходного “минимума” языка и разума, выглядит как вполне логичное и необходимое для разграничения человеческого и животного миров; однако сложно “засчитать” это допущение философским разрешением проблемы. Этот недостаток Нуаре искупает своей концептуально технически развитой орудийной гипотезой с отдельной схемой руки человека как условия появления разума.

У Нуаре мы находим развернутые схемы орудийно-трудового генезиса языка — рабочие, релевантные решения, достойные отдельного исследования. Да, первичные звуки в его теории образовывались от звуков, сопровождающих трудовой процесс (трудовые выкрики), но это лишь часть всей картины, причем не отправная. Исходное положение Нуаре состоит в том, что “орудие труда... имеет характер универсальной или *всеобщей идеи*” [20, с. 184]; суть же воздействия орудий труда на развитие мышления, если вкратце формулировать словами Нуаре, состоит, во-первых, в том, что “благодаря разрешению и разъединению элементов каузального соотношения, отчетливому сепаратному выступлению причины и следствия, средства и цели, эта каузальность приобретает все большую... ясность в человеческом сознании”; а во-вторых, в том, что “это влияние проявляется в объективации и проекции собственных органов человека, до того действующих лишь при наличии смутного сознания

индивидуумом своих инстинктивных функций” [20, с. 69].

Нуаре подчеркивает, что “руки являются *conditio sine qua non* развития разума” [20, с. 124]. Рука и разум стимулируют развитие друг друга: рука человека потенциально содержит в себе возможность появления разума, однако и “развитие разума составляет необходимую предпосылку совершенной формы и многосторонней деятельности руки” [20, с. 124]. При “подключении” же орудий труда (их “вложении” в руки) начинается настоящая история человека и человечества: “...Решительный шаг из области животной активности в область человеческой активности был сделан тогда, когда в руку вложены были инструменты, орудия труда...” [20, с. 135]. Рука, можно сказать, занимает особое место в глоттогенетических построениях Нуаре. Конечно, не Нуаре впервые обратил внимание на роль руки в процессе формирования разума и пришел к выводу о том, что рука и труд взаимно формируют друг друга: как уже было отмечено, Энгельс прямо говорил о том, рука “является не только органом труда, она также его продукт”; и до Энгельса многие мыслители прекрасно сознавали роль руки в антропо- и логогенезе и говорили об этом (достаточно назвать Гегеля и Канта). Но только Нуаре разрабатывает схему “истории” *руки как органа разума*, с поэтапной реконструкцией этапов и динамики этой исторической панорамы: рука из органа движения и хватательного органа, приобретая новые свойства, превращается в инструментальный (производительный) орган; и так, следуя ходу производства, постепенно воспринимает, по Нуаре, “отличительный для нее характер универсальности” [20, с. 125].

Казалось бы, перед нами — почти марксистский текст. Но есть определенный нюанс, отличающий зарисовки глотто- и антропогенеза Нуаре от энгельсовской картины: у Нуаре труд не является базовой категорией и вообще особым образом не концептуализируется — и это отличие бросается в глаза при сравнении картин двух мыслителей относительно того, что первично: разум у Нуаре (его “полоса сумерек”, в которых человек уже владел языком и разумом, но не владел орудиями труда) *vs* труд у Энгельса (“сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь...”). Язык в марксизме возникает “из процесса труда и вместе с трудом”. Для Энгельса немыслима ситуация, в которой разум актуально концептуализировался бы как предшествующий труду; и т.к. *труд до разума* не может быть релевантно описан (получится, что придется допустить “неразумный

труд”), то он признает наличие мышления — но не труда! — у животных. Таким образом, если Энгельс укрывается за тезисом о мышлении животных (положение сомнительное, но “спасает” конструкцию в целом), то вся картина Нуаре затеняется его тезисом о первичности мышления человека, происхождение которого он не проясняет, — и это предположение о первичности разума, совершенно естественное для идеалиста и непонятное для материалиста, ослабляет его теорию как раз там, где она, по идее, должна быть наиболее сильна, — в области глоттогенеза.

Рука — труд — ручной язык в глоттогенетической картине Н.Я. Марра

Итак, для Энгельса пропастью, “Рубиконом” между человеком и животным является труд, а для Нуаре — язык (хотя его “полоса едва освещенных редкими проблесками сумерек” ставит это положение под некоторое сомнение). И тут, и там остаются вопросы, шероховатости. Н.Я. Марр конструирует панорамный процесс зарождения языка в связи с прогрессом материального производства в первобытном обществе, разбивая этот процесс на два этапа — ручного языка и языка звукового, который в его системе связывается с применением орудий труда. Проблема глоттогенеза решается Марром как бы синтетически: по его логике, поскольку труд изначально осуществляется руками, в которые до некоторого момента не были вложены орудия труда, то и первоначальный язык также является ручным. Это — язык жестов, основным орудием которого является рука, она же — орудие труда, или производства. Звуки и движения иных органов тела, в том числе и мимика, являются только вспомогательными моментами ручной речи. Ручной язык Марр называет также линейным, кинетическим, редко — графическим. Таким образом, язык у Марра подчинен труду, и сам есть орудие труда, а ручная речь — это производство в его первоначальном виде. С изменением способа производства изменяется и строй “языка-производства”: с овладением человеком искусственными орудиями труда возникает звуковой язык. На этом этапе язык как производство и язык как орудие труда разделяются, а функция средства общения приобретает самостоятельное значение.

Ручная речь представляет собой исходный этап глоттогенеза: “Человек до звуковой речи, культовой, располагал обиходной, говорил линейным языком — жестами и мимикой, причем главную роль в линейной речи играла рука. Этот язык движений, кинетический язык, по господствующему

в нем орудии производства был, можно сказать, ручным” [22, с. 85]. Ручной первоязык, таким образом, и был “первотрудом”, ручным производством, в котором рука была исходным орудием труда, и при этом и поэтому — первым *органом языка*; синтаксис же языка производится в конечном счете из структуры, организации и динамики (“синтаксиса”) производства. Решение, надо отметить, нетривиальное, элегантно — не только с точки зрения “метафизики языка”, но и с позиций господствующей в СССР идеологии. Марр часто употребляет термин “язык-мышление”, но здесь можно обозначить этот первокомплекс труда и языка термином “язык-труд”. Понятно, что, поскольку Марр претендует на “марксистскость” своей теории, ясно, что первичен здесь труд, — так язык концептуализируется им как *вид труда*, — труда, конечно же, коллективного: важный упор Марр делает на этой принципиальной коллективности первотруда, постоянно подчеркивая этот момент и делая четкий акцент на *общественности*, на “коллективе, хозяйственном сосредоточении человеческих масс, в труде над созданием общей материальной базы” [23, с. 141].

А.М. Деборин, автор единственного марристского текста, который носил характер фундаментального анализа философских оснований “Нового учения о языке” (помимо классиков марксизма, Деборин обращается к Г. Гегелю, И. Канту, В. Вундту, Э. Кассиреру, Л. Нуаре, М. Мюллеру, Л. Леви-Брюлю и др.), связывает марровский ручной язык с идеями Энгельса: “Где же корни происхождения ручного языка? В особой роли руки как орудия производства, как орудия труда. Труд создал самого человека, говорит Энгельс. Но первым орудием труда была рука как орган тела, отделившийся по своей функции от задних конечностей, от ног. <...> Без руки нет труда, но и без труда не было бы руки. Можно сказать, что рука и труд рождаются одновременно, и с этого именно исторического момента начинается господство человека над природой. <...> Из непосредственного процесса труда Энгельс выводит также и происхождение языка. Однако Энгельс говорит лишь о звуковой речи. Новейшие исследования — а из них первое и главное место занимают работы Марра — привели к выводу о существовании ручного языка, причем ручной язык, как и звуковая речь были вначале производственными, а не разговорными языками” [24, с. 30].

“Роль руки, — пишет Н.Я. Марр, — как основного объединяющего или организующего орудия громадна. Рука в центре языковой жизни человечества так же, как в центре производства

его трудовой жизни” [22, с. 6]. “Трудовая рука” [23, с. 56] — это первоорудие труда, это “первоначально единственное естественное орудие речи, как и единственное орудие всякого производства, пока та же производственная сила, трудовой человек, не создает ей заместителя в искусственных орудиях производства, предметах материальной культуры и тогда, только тогда... функция орудия речи переходит на язык...” [22, с. 209]. С помощью звуков, испускаемых или производимых человеком посредством органов его тела, по Марру, нельзя выразить образ, смысл; нельзя передать какое-либо сообщение: пока “не возникало членораздельной звуковой речи, наследственно воспринявшей все достижения линейного языка с помощью руки, это природой данное орудие, собственно две руки, являлись выразителями речи: рука или руки были языком человека. Жесты, мимика и в некоторых случаях вообще телодвижения исчерпывали средства языкового производства” [22, с. 201]. В.Б. Аптекарь, апеллируя к идеям Энгельса, резюмирует эти положения Марра так: “Начало языка, таким образом, связано с появлением руки, которая является, с одной стороны, продуктом труда, а с другой — орудием этого труда” [25, с. 85]. Или же в формулировке другого марриста, С.А. Врубеля, “рука первоначально выступает не как язык, до которого человек еще не дошел, а как орудие производства. По мере же накопления производственных навыков и осознания трудового процесса рука начинает выступать так же как орудие общения, т.е. выступает в роли языка” [26, с. 74–75].

Ручной язык — хотя бы и примитивный по сравнению с позднейшим звуковым, но это — средство общения, в котором реализуется способность к *символизации*, т.е. язык в собственном смысле слова: “Ручной язык предполагает технически развитость регулирующего мозгового аппарата и связи с ним, идеологически общечеловечность, хотя и примитивную, и ее отражение в образах, указывавшихся рукой с дополнительной линейной изобразительностью посредством лица, мимикой. Ручной язык не только давал возможность выражать свои мысли, образы-понятия и общаться с коллективом, но и развивать представления, как средства общения и с другим, и своим племенем...” [22, с. 202]. В другом месте Марр прямо говорит о способности символизации, проявляющейся впервые в ручной речи: “...Линейная речь, предшествовавшая звуковой, отнюдь не язык аффектов, а выражение, символическое, также трудового производства, но все-таки организованного труда, и им создававшегося мышления, и до появления звуковой

речи человечество проделало долгий путь развития, передав звуковой речи громадное наследие мыслей и способов их символизации” [23, с. 80]. Вяч.Вс. Иванов подчеркивал, что Марр “сформулировал гипотезу о первичности языка жестов в таких терминах, которые допускают их перевод на современные семиотические: по его гипотезе, язык жестов был языком знаков-указателей и образительных знаков-символов” [12, с. 19].

Марр четко не проговаривал, но достаточно определенно отмечал такое фундаментальное свойство ручного языка, как членораздельность, которая не может быть связана исключительно со звуковым языком. Так, сторонник и соратник Марра академик И.И. Мещанинов делает особый акцент на свойстве членораздельности, присущей изначально ручному языку: “Членораздельность развивалась в пределах кинетической еще речи, и именно ее развитие обусловило собою развитие звука до степени последующего выдвижения его уже на доминирующую роль в общении людей” [27, с. 525–526].

Появление звуковой речи в ходе “звуковой революции” напрямую связывается Марром с развитием труда, а именно с овладением человеком искусственными орудиями труда: звуковая речь формируется “в связи с переходом человечества с естественных орудий производства на искусственные, им созданные и обработанные...” [28, с. 212]; или же: “Второй язык, звуковой, возник лишь после того, как человечество перешло на труд с помощью искусственного, им изобретенного орудия” [22, с. 129]. С орудийным трудом и звуковым языком у Марра, как и у Нуаре, связано появление и развитие абстрактного, понятийного мышления, причем эта концептуальная линия выстроена Марром даже более четко, чем она же показана у Нуаре. Особенно продуманная версия марристской интерпретации генезиса абстрактного мышления выдвигается А.М. Дебориным, который сосредоточивается на генезисе абстрактных понятий в связи с развитием орудийного труда, используя в то же время наблюдения и открытия Нуаре. Суммируя, Деборин пишет, что в схеме Марра “общие действия, производимые первобытным коллективом при коллективном орудии труда, постоянная повторяемость определенных действий и сознание повторенных действий — привело человечество к отвлеченным понятиям. Но понятие не существует без названия, без имени; отсюда ясно, что понятия могли возникнуть и получить свое развитие благодаря новому языку, звуковому языку” [24, с. 42]. Деборинская трактовка этого тезиса Марра была

с интересом принята советской критикой. Тодору Павлову, под псевдонимом “П. Досев” написавшему рецензию, деборинская версия показались даже недостаточно развернутой: “...Мало сказано т. Дебориным также об орудии труда как основе логического мышления. Правильно, что орудие труда конкретно, общо, объективно, но оно в то же время есть и воплощение, материализация единства субъективного и объективного. Оно не только конкретно, общо и объективно, но особенно подвижно в сравнении с природой, географической средой” [29, с. 72].

В свою палеонтологическую конструкцию развития звукового языка Марр вводит много спорных, а то и сомнительных элементов, что во многом затеняет тот постулат, что главным движущим мотивом в этом процессе был труд, развитие орудийного труда. Ученый корректно с точки зрения трудовой теории глоттогенеза ставит задачу раскрытия генезиса звуковой речи: “Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, а с определенного идеологического построения, это с перенесенного с производства в речь строя или так наз. синтаксиса” [22, с. 368]; или же: “Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, частей речи, а с предложения, гесп. мысли активной и затем пассивной, т.е. начинается с синтаксиса, строя, из которого постепенно выделяются части предложения, определявшиеся по месту их нахождения в речи” [22, с. 417]. Однако вместо продуктивного поиска в обозначенном направлении Марр, добавляя в конструкцию магию, тотемы и иные привходящие элементы, попросту сбивается в бессвязные рассуждения, — и проблема перехода от ручного языка-мышления к логическому (отвлеченному, понятийному) мало того что не получает решения, так еще и обрекает последователей путаться в магических дебрях четырех элементов, которые представляются то как тотемы, то как коллективные орудия производства и потому “средства эксплуатации”.

Достаточно продуктивная идея о связи синтаксиса со структурой и алгоритмами производства была оставлена ученым в угоду идеям о “классовом магизме”. Магия не просто скрещивается Марром с классовым подходом, но прямо сливается с ним. Даже истовый маррист В.Б. Аптекарь писал, что, “совершенно правильно связывая происхождение звуковой речи с развитием производства первобытной дородовой коммуны, с разделением труда в ней, Н.Я. Марр в то же время смешивает производственную дифференциацию с классовой, в связи с чем определяет

примитивную звуковую речь как классовое до-
стояние господствующей социальной группиров-
ки; точно так же, вскрыв бесспорную связь между
языком и первобытной магией, он в корне непра-
вильно приписывает последней особое значение
в возникновении звуковой речи” [25, с. 93]. Ма-
гия, неудачно вплетенная Марром в его ставшую
благодаря этому шагу плохо понятной конструк-
цию первопроизводства как “труд-магического”
процесса, по сути дела, является конструктом,
отрывающим язык от труда и уводящим пробле-
му его происхождения в дебри фантазии. Магия
в некоторых пассажах Марра проникает даже и
в эпоху ручного языка, когда, согласно общей ло-
гике его концепции, никакой почвы для нее быть
не могло. Социальный аспект в генезисе звуковой
речи благодаря “магизму” получил деформиро-
ванное преломление, что по факту не позволило
релевантно сформулировать решение проблемы
развития у людей способности к символизации,
которая в исходном виде все же была довольно
удачно поставлена в связи с ручной речью, и про-
изводства с его структурой-синтаксисом, но ока-
залась, увы, “снятой” из-за введения постулатов
о магизме звукового языка.

Заключение

Таким образом, понятия магии, тотема, труд-
магической деятельности у Марра затуманивают
всю его картину происхождения языка. Сливая
магию с трудом и производством, Марр доходит
до того, что аналитически разделить эти сущно-
сти обратно уже не удастся, — и так возникла кар-
тина, для марксистского мировидения доволь-
но-таки гротескная и плохо понятная даже для
самого создателя “Нового учения о языке”. При-
чины такого исхода заключаются в недостаточно
внимательном отношении основателя “Нового
учения о языке” к идеям Нуаре и к идеям Марк-
са и Энгельса. С одной стороны, при последова-
тельном анализе работ Марра создается впечат-
ление, что понятие магии он вводил только для
того, чтобы его концепция глоттогенеза, которую
он полагал марксистской, была бы вдобавок рез-
ко отличной от концепции Нуаре (или в любом
случае не считалась бы основанной на идеях Ну-
аре об орудийном происхождении языка). С дру-
гой стороны, несмотря на обильное цитирование
Марром и марристами произведений классиков
марксизма, влияние идей, заключенных в них,
не представляется достаточно глубоким.

Для продвижения своего учения Марру было важ-
но оформить его как “марксизм в языкознании”, т.е.
идеологизировать яфетическую теорию. Именно

так с конца 1920-х годов разрабатывалось и по-
давалось “Новое учение о языке”. При этом сам
Марр не был хорошо знаком с марксизмом, и дело
сводилось по большей части к тому, чтобы про-
водить соответствующую риторику и приводить
как можно больше цитат из классиков. Таким
образом, к марксизму он относился прагматич-
но, — по словам В.М. Алпатова, преследуя цель
“использовать марксистское учение часто пу-
тем явной фальсификации, как источник свое-
го учения” [30, с. 73]. В плане потребительского
отношения тот же подход характерен и для об-
ращения Марра и марристов с идеями Нуаре, но
в обратном смысле: если роль классиков марк-
сизма следовало любыми способами подчерки-
вать, то роль Нуаре — наоборот, нивелировать.
Следуя этой установке, Марр и марристы, при-
знавая в своих работах вклад Нуаре в трудовую
теорию глоттогенеза, всеми силами старались
затушевать его значение, поставив имя Нуаре
в ряду буржуазных предшественников, “не дотя-
нувшихся” до открытия истин марксизма в об-
ласти языкознания. Получилось же в итоге так,
что ряд интересных и продуктивных идей Нуаре,
особенно некоторые элементы его развернутой
картины “орудийного” происхождения языка,
остались практически вне поля внимания Мар-
ра, что явным образом обеднило “Новое учение
о языке”.

В зарубежном марроведении нередко встре-
чается мнение, согласно которому концепция
глоттогенеза Марра не является глубоко ориги-
нальной, в основных своих постулатах базирует-
ся на идеях Нуаре (и других мыслителей) и ниче-
го нового по части идей о происхождении языка
Марр не внес. Гипотеза о ручном языке при этом
попросту не принимается во внимание: ее отно-
сят к научным курьезам. Традиция эта не нова:
к примеру, Лоуренс Томас в работе “Лингвисти-
ческие теории Н.Я. Марра” (1957), утверждает,
что сущностные элементы своего учения Марр
основывает в первую очередь на положениях Ну-
аре о возникновении языка из общей деятельности
(что было ясно и до Нуаре, и без Нуаре), об орудии
труда и о роли руки [31, р. 111]. Хотя Л. Томас и пи-
шет, что Нуаре “подчеркивал роль человеческой
руки в первую очередь как орудия [труда], а не как
орудия речи” [31, р. 113], и отчасти признает пер-
венство Марра в разработке гипотезы о ручном
языке, ученый не уточняет, что именно Марр
соединил в своем концепте руки и орудие труда,
и орудие языка (чего у Нуаре мы не находим, да и
не можем найти), в чем и состояла одна из ярких
новаций его учения. Раскрывая источники идей
Марра, Л. Томас поднимает вопросы о влиянии

В. Вундта, Л. Гейгера (идущего в одной связке с Нуаре), Ф. Кашинга, Л. Леви-Брюля, Э. Кассирера, Г. Спенсера, Ч. Дарвина, А.Н. Веселовского, но совершенно обходит вниманием Ф. Энгельса и А.А. Богданова. В том, что марксизм в отношении идей Марра, по Томасу, имел фасадный характер [31, р. 111], можно согласиться только частично, а с ригоризмом Томаса, проявившимся в полном отрицании связи “Нового учения” и марксизма, согласиться невозможно.

Н.Я. Марр не смог создать целостную палеонтологию языка, суммировать свои идеи и привести их в систему, однако даже из фрагментов его работ и из марристских произведений (особенно Деборина и Аптекаря) складывается оригинальная квазимарксистская картина трудового происхождения языка, отброшенная советской наукой после выступления Сталина. После знаменитой “свободной дискуссии по вопросам языкознания” 1950 г. в советской общественной науке сложилось негативное отношение к наследию Марра. За редкими исключениями (В.И. Абаев, Вяч.Вс. Иванов), мало кто вспоминал о Марре и обращался к его глоттогенетическим идеям. Его достаточно сложная, пусть и плохо оформленная концепция в лучшем случае упоминалась в утрированном виде. В качестве примера можно привести изложение общей картины глоттогенеза Марра В.В. Назаретским: «По мнению Н.Я. Марра, первобытные люди вначале не имели звуковой речи и длительное время, в течение полутора миллиона лет “разговаривали” молча, с помощью жестов, телодвижений, мимики. Лишь спустя полтора миллиона лет, на стадии образования племен, человечество от ручной речи перешло к звуковой» [32, с. 66]. Идею о ручном языке В.В. Назаретский “опровергает” таким способом: “Ручная речь не могла предшествовать звуковой, и особой стадии ручной речи не было и не могло быть, ибо человеческое мышление неразрывно связано со звуковой речью, может выражаться только в словах, в звуках языка и никак иначе” [32, с. 67]. Здесь Назаретский прямо следует за Сталиным, который утверждал (и утвердил!), что “звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общения, способным служить полноценным средством общения” [32, с. 46]. Вердикт Назаретского состоит в том, что “идеалистические измышления Н.Я. Марра противоречат четким указаниям К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что язык возник в процессе труда из потребности общения между людьми” [32, с. 70].

Стоит ли сомневаться в том, что при таком подходе роль производства, интересные и

перспективные идеи о трудовом генезисе языка и особенно о роли символизации в развитии языка были забыты. Конечно, вина во всем этом лежит прежде всего на самом Марре, который, постулировав “труд-магизм” вместо “труд-символизма”, по сути, обессмыслил трудовую теорию, свел ее к абсурду. Однако при всем этом его идеи были достаточно интересны и в каком-то смысле — если не эвристически, то как минимум в отношении “метафизики языка” — ценны, даже плодотворны, особенно если учитывать тот факт, что гипотеза об изначальной жестовой речи в связи с развитием способности человека к символизации с 1970-х годов привлекает все больше внимания в мире лингвистов. В работах Марра есть интересные решения и необычные подходы — ведь не только благодаря личной энергии и идеологическим обстоятельствам “Новое учение” получило столь высокий статус в советской общественной науке.

Разгромив марризм, И.В. Сталин, сам не желая того, отодвинул всю трудовую теорию происхождения языка на периферию советского научного дискурса. Однако при всей критике Марра Сталин признавал, что в работах Марра “можно найти немало ценного и поучительного”; и что “это ценное и поучительное должно быть взято у Н.Я. Марра и использовано” [33, с. 41]. Представляется, что “подключение” разработок Марра вполне способно подвести к формулировке новых и, возможно, прорывных идей в постановке проблемы происхождения языка в связи с ролью труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рагозина Т.Э. Проблема человека в философско-исторической концепции Фридриха Энгельса // Культура и цивилизация (Донецк). 2020. № 2. С. 26–38.
2. Козинцев А.Г. Зоосемиотика и глоттогенез. Рецензия на книгу: Бурлак С.А. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. М., 2011 // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 326–359.
3. Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. 464 с.
4. Фитч У.Т. Эволюция языка. М.: Языки славянских культур, 2013. 768 с.
5. Розов Н.С. Преодоление “языкового Рубикона”: версии, ступени и эволюционные механизмы // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 2. С. 348–365.
6. Розов Н.С. Обновление социальных порядков в антропогенезе — ключ к объяснению происхождения

- языка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 3. С. 216–238.
7. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: АН СССР, 1963. 140 с.
 8. Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1984. 137 с.
 9. Hewes G.W. Primate Communication and the Gestural Origin of Language // Current Anthropology. 1973. № 14. P. 5–24.
 10. Gibson K.R., Ingold I. (eds). Tools, Language and Cognition in Human Evolution. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. 483 p.
 11. Hewes G.W. A History of Speculation on the Relation between Tools and Language // Tools, Language and Cognition in Human Evolution / Eds.: Gibson K.R., Ingold I. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. P. 20–31.
 12. Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976. 298 с.
 13. Федорович Е.Ю., Соколова Е.Е. Майкл Томаселло versus Алексей Николаевич Леонтьев: диалог во времени // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 1. С. 41–51.
 14. Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск: Наука, 1984. 128 с.
 15. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянских культур, 2001. 865 с.
 16. Кедров Б.М. О произведении Ф. Энгельса “Диалектика природы”. М.: Госполитиздат, 1954. 144 с.
 17. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1940. 338 с.
 18. Леонтьев А.А. Проблема глоттогенеза в современной науке // Энгельс и языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Наука, 1972. С. 135–157.
 19. Ардентов Б.П. Мысль и язык. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1965. 88 с.
 20. Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории развития человечества. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1925.
 21. Богданов А.А. Падение великого фетишизма. М.: Т8 Rugram, 2019. 190 с.
 22. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 2. Основные вопросы языкознания. М.; Л.: АН СССР, 1936. 524 с.
 23. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3. Язык и общество. М.; Л.: АН СССР, 1934. 424 с.
 24. Деборин А.М. Новое учение о языке и диалектический материализм. М.; Л.: АН СССР, 1935. 66 с.
 25. Антекар В.Б. Н.Я. Марр и новое учение о языке. М.: Госсоецэкгиз, 1934. 185 с.
 26. Врубель С. Учение Н.Я. Марра о глоттогоническом процессе // Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н.Я. Марру. Сборник статей / Редкол.: С. Диманштейн и др. М.: Власть Советов, 1936. С. 67–97.
 27. Мещанинов И.И. Язык и памятники материальной культуры как исторический источник // Памяти Карла Маркса. Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти / Под ред. Н.И. Бухарина, А.М. Деборина. М.: АН СССР, 1933. С. 523–546.
 28. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 1. Этапы развития яфетической теории. М.; Л.: АН СССР, 1933. 400 с.
 29. Досев П. Язык и материалистическая диалектика. Деборин А.М. Новое учение о языке и диалектический материализм // Книга и пролетарская революция. 1936. № 3. С. 70–73.
 30. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: УРСС, 2018. 284 с.
 31. Thomas L.L. The Linguistic Theories of N.Ja. Marr. Berkely & Los Angeles, University of California Press, 1957. 457 p.
 32. Назаретский В.В. Происхождение языка. Лекции по общему языкознанию. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1963. 92 с.
 33. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1953. 56 с.

REFERENCES

1. Ragozina, T.E. *Problema cheloveka v filosofsko-istoricheskoi kontseptsii Fridrikha Engelsa* [Problem of Man in the Philosophical and Historical Concept by Friedrich Engels]. *Kultura i tsivilizatsiya (Donetsk)* [Culture and Civilization (Donetsk)]. 2020, No. 2, pp. 26–38. (In Russ.)
2. Kozintsev, A.G. *Zoosemiotika i glottogenez. Retseziya na knigu: Burlak S.A. Proiskhozhdenie yazyka: fakty, issledovaniya, gipotezy. M., 2011* [Zoosemiotics and Glottogenesis. Review of the book by Burlak S.A. “Origin of Language: Facts, Research, Hypotheses”. Moscow, 2011]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. 2013, No. 19, pp. 326–359. (In Russ.)
3. Burlak, S.A. *Proiskhozhdenie yazyka: Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The Origin of Language: Facts, Studies, Hypotheses.]. Moscow, Astrel Publ., 2011. 464 p. (In Russ.)
4. Fitch, W.T. *Evolutsiya yazuka* [The Evolution of Language]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2013. 768 p. (In Russ.)
5. Rozov, N.S. *Preodolenie “yazykovogo Rubikona”: versii, stupeni i evoliutsionnye mekhanizmy* [Overcoming “the Language Rubicon”: Versions, Steps and Evolutionary Mechanisms]. *Idei i ideally* [Ideas and Ideals]. 2021, Vol. 13, No. 4, Part. 2, pp. 348–365. (In Russ.)

6. Rozov, N.S. *Obnovlenie sotsialnykh poryadkov v antropogeneze — klyuch k obyasneniyu proiskhozhdeniya yazyka* [Updating Social Orders in Anthropogenesis — the Key to Explaining the Origin of the Language]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2021, Vol. 24, No. 3, pp. 216–238. (In Russ.)
7. Leontiev, A.A. *Vozniknovenie i pervonachalnoe razvitiye yazyka* [The Emergence and Initial Development of Language]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 140 p. (In Russ.)
8. Yakushin, B.V. *Gipotezy o proiskhozhdenii yazyka* [Hypotheses about the Origin of the Language]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 137 p. (In Russ.)
9. Hewes, G.W. Primate Communication and the Gestural Origin of Language. *Current Anthropology*, 1973, No. 14, pp. 5–24.
10. *Tools, Language and Cognition in Human evolution*. Gibson, K.R., Ingold, I. (eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 1993. 483 p.
11. Hewes, G.W. A History of Speculation on the Relation between Tools and Language. *Tools, Language and Cognition in Human evolution*. Gibson K.R., Ingold I. (eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 20–31.
12. Ivanov, V.V. *Ocherki po istorii semiotiki v SSSR* [Essays on the History of Semiotics in the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 298 p. (In Russ.)
13. Fedorovich, E.Yu., Sokolova, E.E. *Maikl Tomasello versus Aleksei Nikolaevich Leontiev: dialog vo vremeni* [Michael Tomasello versus Alexei Leontiev: A Dialogue in Time]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. 2018, Vol. 14, No. 1, pp. 41–51. (In Russ.)
14. Donskikh, O.A. *Proiskhozhdenie yazyka kak filosofskaya problema* [The Origin of Language as a Philosophical Problem]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 128 p. (In Russ.)
15. Katsnelson, S.D. *Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya* [Categories of Language and Thinking: From the Scientific Heritage]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2001. 865 p. (In Russ.)
16. Kedrov, B.M. *O proizvedenii F. Engelsa “Dialektika prirody”* [About the Work of F. Engels “Dialectics of Nature”]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 144 p. (In Russ.)
17. Engels, F. *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1940. 338 p. (In Russ.)
18. Leontiev, A.A. *Problema glottogeneza v sovremennoi nauke* [The Problem of Glottogenesis in Modern Science]. *Engels i yazykovoznanie* [Engels and Linguistics]. Yartseva, V.N. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 135–157. (In Russ.)
19. Ardentov, B.P. *Mysl i yazyk* [Thought and Language]. Kishinev, Karta Moldovenyaske Publ., 1965. 88 p. (In Russ.)
20. Noiré, L. *Orudie truda i ego znachenie v istorii razvitiya chelovechestva* [The Tool of Labor and its Significance in the History of Human Development]. Kharkov, State publishing house of Ukraine Publ., 1925. 396 p. (In Russ.)
21. Bogdanov, A.A. *Padenie velikogo fetishizma* [The Fall of the Great Fetishism]. Moscow, T8 Rugram Publ., 1976. 190 p. (In Russ.)
22. Marr, N.Ja. *Izbrannye raboty. T. 2. Osnovnye voprosy yazykoznaniya* [Selected Works. Vol. 2. Basic Questions of Linguistics]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936. 524 p. (In Russ.)
23. Marr, N.Ja. *Izbrannye raboty. T. 3. Yazyk i obshchestvo* [Selected Works. Vol. 3. Language and Society]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1934. 424 p. (In Russ.)
24. Deborin, A.M. *Novoe uchenie o yazyke i dialekticheskiy materialism* [The New Doctrine of Language and Dialectical Materialism]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935. 66 p. (In Russ.)
25. Aptekar, V.B. *N.Ya. Marr i novoe uchenie o yazyke* [Nikolai Marr and the New Doctrine of Language]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1934. 185 p. (In Russ.)
26. Vruble, S. *Uchenie N.Ya. Marra o glottogonicheskom protsesse* [Nikolai Marr’s Doctrine of the Glottogonic Process]. *Vsesoyuznyi tsentral’nyi komitet novogo alfavita N.Ya. Marra. Sbornik statei* [From the All-Union Central Committee of the New Alphabet Dedication to Nikolai Marr. Collection of Articles]. S. Dimanshtein et al. (ed. board). Moscow, Vlast Sovetov Publ., 1936, pp. 67–97. (In Russ.)
27. Meshchaninov, I.I. *Yazyk i pamyatniki material’noy kul’tury kak istoricheskiy istochnik* [Language and Monuments of Material Culture as a Historical Source]. *Pamyati Karla Marksa. Sbornik statei k pyatidesyatiletiyu so dnya smerti* [In Memory of Karl Marx. Collection of Articles for the Fiftieth Anniversary of his Death]. Bukharin N.I., Deborin A.M. (eds.). Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1933, pp. 523–546. (In Russ.)
28. Marr, N.Ja. *Izbrannye raboty. T. 1. Etapy razvitiya yafeticheskoi teorii* [Selected Works. Vol. 1. Stages of Development of Japhetic Theory]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1933. 400 p. (In Russ.)
29. Dosev, P. *Yazyk i materialisticheskaya dialektika. Deborin A.M. Novoe uchenie o yazyke i dialekticheskiy materializm* [Language and materialist dialectics. Deborin, A.M. The New Doctrine of Language and Dialectical Materialism]. *Kniga i proletarskaya revolyutsiya* [The Book and the Proletarian Revolution]. 1936, No. 3, pp. 70–73. (In Russ.)
30. Alpatov, V.M. *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [A Story of One Myth: Marr and Marrism]. Moscow, URSS Publ., 2018. 284 p. (In Russ.)

31. Thomas, L.L. *The Linguistic Theories of N.Ja. Marr*. Berkely & Los Angeles, University of California Press, 1957. 457 p.
Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1963. 92 p. (In Russ.)
32. Nazaretskiy, V.V. *Proiskhozhdenie yazyka. Lektsii po obshchemu yazykoznaniyu* [The Origin of the Language. Lectures on General Linguistics]. Krasnoyarsk, Gospolitizdat Publ., 1953. 56 p. (In Russ.)
33. Stalin, J.V. *Marksizm i voprosy yazykoznaniya* [Marxism and Problems of Linguistics]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 56 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 11 июля 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 октября 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2023 г.

Дата публикации: 31 декабря 2023 г.

Received by Editor on July 11, 2023

Revised on October 10, 2023

Accepted on October 15, 2023

Date of publication: December 31, 2023